

4058МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СПБГТУ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

711
4058
2000
N 2(20)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ СПБГТУ № 2 (20) 2000

СПБГТУ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СПБГТУ

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	7
Декану физико-технического факультета СПбГТУ, вице-президенту РАН Ж.И. Алферову — 70 лет	8

Физико-механический факультет

В.А. Пальмов, И.Н. Топтыгин, Ю.И. Уханов. Физмех: 80 лет, отданные на благо России	9
Схема развития и современная структура физико-механического факультета	22
Я.А. Бердников, А.Н. Иванов, В.Ф. Космач, В.М. Самсонов. Проект “Phenix” и участие СПбГТУ в подготовке эксперимента по поиску и исследованию кварк-глюонной плазмы	24
Ф.С. Насредин, Н.П. Серегин. Мессбауэровская спектроскопия и заряды атомов высокотемпературных сверхпроводников	33
В.Ф. Мастеров, А.В. Приходько, О.И. Коныхов. Фуллереновые купраты — новые применения в микроволновой технике	38
Л.Н. Блинов. Халькогенидные диэлектрические стеклообразные материалы: свойства, способы получения, возможности применения	44
Б.В. Мчедlishvili. Трековые мембраны в решении задач медицинской биотехнологии	55
Л.М. Молодкина, В.М. Коликов. Комплексный подход к изучению высокодисперсных структурно сложных биоминеральных систем	58
Г.И. Разоренов. Модели поведения сложных природных объектов при многофакторных воздействиях	69
В.В. Елисеев. Общность основ механики дискретных и непрерывных систем	75
А.Л. Санин. Синергетика и интеграция науки	78
А.Л. Санин. Нелинейная теоретическая физика и ее перспективы	83
В.Д. Ногин. Использование количественной информации об относительной важности критериев в принятии решений	89
Ю.Д. Максимов, В.Д. Ногин, Ю.А. Хватов. Кафедра высшей математики СПбГТУ — вчера, сегодня, завтра	94
Л.В. Петухов. Прикладная математика и информатика на ФМФ: достижения и перспективы	98
В.В. Батыгин. У истоков величайшего естественнонаучного открытия XX века	104
А.А. Первозванский. Будущие исследования начинаются сегодня	111
Ф.П. Кесаманлы, С.Н. Колгатин, В.Б. Ступак. Роль физической лаборатории Политехнического института в создании научной физической школы в России	114

Гуманитарная составляющая в техническом вузе

В.А. Леванков, М.А. Василик, С.А. Тихомиров. Формирование гуманитарной среды в техническом вузе: смысл, цели, технологии	124
В.П. Горюнов. Формула России: экономика, политика, национальная идея	129
С.С. Скорнякова. Женщины в политике и структурах власти: международный опыт	136
Е.М. Гашкова. Игра и история	138
М.В. Костенко. Проблемы гуманизации информационной экологии и связанные с ними задачи высшего образования	142

М.Б. Биржаков. Актуальные вопросы договорной работы в предпринимательстве и внешнеэкономической деятельности	148
В.Ю. Каширин. Исследовательское проектирование авианосцев и некоторые аспекты международного морского права	154

Проблемы образования

В.В. Глухов, Д.Ю. Райчук. Управление университетом — британский опыт	157
И.Н. Топтыгин. Политехническое образование в России и “система физмеха”. (Заслуживает ли Политехнический институт статуса национального культурного достояния России?)	161
А.И. Альхименко, А.В. Танапаев, Ю.И. Кононов, Ю.В. Богданов. О подготовке специалистов с высшим образованием из выпускников строительных техникумов и колледжей по программе “Непрерывное образование”	166
М.Ф. Кесаманлы, Ф.П. Кесаманлы, В.М. Коликова. Стандартизация фразеологии однотипных учебных текстов	168

Галерея ученых университета

АМОСОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1891–1969)	173
БЕРНШТЕЙН СЕРГЕЙ НАТАНОВИЧ (1880–1968)	174
ВАЛЬТЕР АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ (1898–1941)	177
ГЕРНЕТ НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА (1877–1943)	178
ГОРШКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ (1916–1978)	180
ГЮНТЕР НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ (1871–1941)	181
ДАВИДЕНКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1876–1962)	183
ДЖАНЕЛИДZE ГЕОРГИЙ ИУСТИНОВИЧ (1916–1964)	184
ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1862–1939)	187
ИОФФЕ АБРАМ ФЕДОРОВИЧ (1880–1960)	189
КАПИЦА ПЕТР ЛЕОНИДОВИЧ (1894–1984)	191
КУЗЬМИН РОДИОН ОСИЕВИЧ (1891–1949)	191
ПАПАЛЕКСИ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (1880–1947)	195
РОЖАНСКИЙ ДМИТРИЙ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ (1882–1936)	197
СЕМЕНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1896–1986)	199
ЦИКЛИНСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1884–1938)	201
Б.Н. Меншуткин. История Санкт-Петербургского Политехнического института с его основания до Октябрьской революции (1899–1917). (Продолжение. Начало в № 1 за 2000 год)	204

Проблемы вузовского книгоиздания

А.В. Иванов. Оптимизация книгораспространения в Российской Федерации. Организационные аспекты	216
Итоги конкурса на лучшие учебники, учебные пособия, научные труды и монографии	217
Сведения об авторах	219
Аннотации	221

Во-вторых, специальности, по которым ведется обучение на гуманитарном факультете, не только престижны и привлекательны, но и востребованы: менеджмент в социальной сфере, связи с общественностью, юриспруденция, экономика и социология труда, перевод в сфере профессиональных коммуникаций. Именно здесь — в привлекательности и востребованности данных специальностей, в необходимости получения будущими техническими специалистами смежных гуманитарных специальностей кроется резерв расширения поля гуманитарной среды.

В-третьих, гуманитарии по характеру своего образования, специфики профессии более всего чувствительны и нетерпимы к социальным болезням, разъедающим общество. Поэтому вполне естественно, что они могут и должны внести свой вклад в воспитание социальной активности студенчества.

Подчеркнем еще раз: формирование гуманитарной среды в СПбГТУ — это дело совместной деятельности всех факультетов, кафедр, администрации вуза.

Вероятно, поэтому есть необходимость создания координационного совета университе-

та по формированию развивающейся гуманитарной среды, одной из главных задач которой должна стать разработка плана усиления воспитательной работы в университете. Многочисленные социологические опросы, проведенные в вузе, показывают, что наряду с воспитательными задачами позитивного характера есть и проблемы отрицательного свойства, решения которых требуют единого подхода, комплексных усилий. Грядут также и события, вокруг которых обязательно должна быть проведена деятельность, направленная на воспитание социальной активности будущих специалистов, патриотизма, общей и профессиональной культуры, эстетических вкусов, формирования у будущих специалистов миропонимания и современного научного мировоззрения, чувства бережного отношения к природе, потребности в здоровом образе жизни и др. В частности, в этих планах нельзя обойти вниманием 55-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне, вступление человечества в третье тысячелетие от Рождества Христова, 300-летие основания Санкт-Петербурга и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Проект. М., 2000.
2. Менеджмент. Теория, практика. Пути развития: Матер. междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.А. Леванкова. СПб., 1999.
3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
4. Каган М.С. Философия культуры / ТОО "Петрополис". СПб., 1996. 416 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. / Российская АН. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
6. Webster's New World Dictionary of the American

Language / Fawcett Popular Library. New York. 698 p.

7. Тихомиров С.А. Акмеология: пути формирования культуры инженера // Смыслы культуры: Матер. междунар. науч. конференции. СПб., 1996. С. 258 — 270.

8. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии / СПб. акмеологическая академия. СПб., 1995. 24 с.

9. Менделеев Д.И. Сочинения. Т. XXIII. Л. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 78 — 79.

10. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба: Пер. с англ. / Вступит. статья и редакция Д.М. Гвишиани; послесл. Г.С. Хозина. М.: Прогресс-Пангея, 1991. 344 с.

11. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

В.П. ГОРЮНОВ

ФОРМУЛА РОССИИ:

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

На уровне фундаментального социологического знания следует указать на всеобщую техносциальную формулу общественного развития, которая выражается в том, что в процессе материального производства масса необходимо затрачиваемых ресурсов в совокупности всех своих составляющих постоянно опережает массу

получаемых ресурсов жизни. В результате само производство может осуществляться только в рамках отношения господства и подчинения как в межличностном, так и межобщественном плане. Соответственно каждая историческая общность (нация, страна, этнос) характеризуется своей геоисторической формулой, складываю-

шейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов, обуславливающих два взаимозависимых показателя: характер внутреннего социального устройства и способ включения в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношений господства и подчинения). Иначе говоря, геоисторическая формула общности раскрывается в интенсивности или экстенсивности экономического развития, авангардности или отсталости в научно-техническом прогрессе, эволюционности или революционности социальных изменений, демократичности или авторитарности управления, уровне жизни и глубине социальной дифференциации.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредствованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути становится не так важно, кому принадлежат ресурсы природы, как то — кто умеет их использовать.

Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги — демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превратить одни общности в средство других общностей. Для установления господства в таком обществе не надо завоевывать территории, возить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

Россия по шкале современного уровня материально-технического развития является обладательницей больших природных богатств. Однако она не может эффективно распорядиться ими самостоятельно по причине отсутствия внутренних источников кредитования, т. е. источников авансированного труда, необходимо-го, во-первых, для разработки новой техники и новых технологий, во-вторых, — для разворачивания работ по собственн добыче, переработке и дальше по всем технологическим переделам.

Объективное противоречие положения современной России состоит в том, что, став открытой, она перестала быть самостоятельной и оказалась перед угрозой распада, а в закрытом виде она обречена на застой и разложение. Здесь бессмысленно ставить вопрос о том, кто виноват, и теоретически невозможно найти ответ на вопрос, что делать? Здесь надо просто действовать, исходя из самой реальности. А для

этого необходима не программа действий — таких в России сейчас достаточно, если не в избытке — а политическая воля.

Жизнь, как борьба за существование, требует оправдания, обоснования, ибо борьба за свою жизнь так или иначе есть борьба против другой жизни. Каждый член общности находится в условиях определенной нормативности, обязывающей его, принуждающей всей силой морали и права к определенным действиям, в том числе к жертвенности. Без этой нормативности общность не сможет противостоять давлению со стороны других общностей и вообще решать задачи по выживанию.

Данная нормативность реализуется на основе определенной целевой модели, называемой национальной идеей, именем которой индивида можно побуждать, а при необходимости — принуждать к соответствующим действиям, вплоть до актов самопожертвования.

Носителем национальной идеи является общность, так же как индивид является носителем мечты. Разница, во-первых, в степени конкретности, предметной определенности (мечта индивида более конкретна, предметно более определенно выражена). Во-вторых, в степени объективной обоснованности: мечта индивида может быть оторванной или несоразмерной объективной реальности, а национальная идея вытекает из действительной формулы общности.

Национальная идея есть определенное состояние духа, переживание, внутренний порыв, устремленность, готовность к действию. Предметное содержание идеи составляет собственный образ, идеальная модель существования, бытия, на реализацию которой направлена устремленность, внутренний порыв (с реализацией которой связано состояние духа, переживание). Это не обязательно личная готовность индивидов к практическому действию, но это одобрение, согласие, поддержка реальной устремленности, готовности к действию других, солидарность; это отсутствие внутренних мотивов, оснований для открытого сопротивления принуждению к определенному действию, невозможность явного несогласия и т. п.

Не следует смешивать национальную идею и национальное самосознание, аналогичное индивидуальному самосознанию, т. е. осознанию человеком самого себя как личности, как некоторого "Я". Национальное самосознание есть осознание себя членами исторической общности как единого "Мы", отличного от других "Мы", воспринимаемых не иначе, как "Они". Национальное самосознание всегда присуще общности, будучи духовной составляющей ее бытия, идеологическим отражением ее

геоисторической формулы. Сущность национального самосознания состоит в его направленности на обоснование исключительного права общности на существование наряду с существованием других общностей, а при определенных обстоятельствах — и вопреки ему. Национальная же идея есть охватывающее общность переживание, вызванное чувством некой общей опасности, грозящей всем “Нам” со стороны “Их”. Это не обязательно опасность военного нашествия или экономического подчинения, это может быть и опасность духовного порабощения. Но в любом случае речь идет об угрозе уничтожения общности, будь то непосредственный геноцид или вытравливание ее национального самосознания, т. е. либо полное подавление единого чувства “Мы” и принуждение к другой самоидентификации, либо его деформация — осознание членами общности принадлежности к “Мы” как к чему-то неполноценному, второсортному, унижающему человека самим фактом такой своей принадлежности.

Следовательно, национальная идея представляет собой мобилизующий духовный порыв, направляющий усилия членов общности на ее сохранение в условиях возникшей угрозы самому ее существованию, выраженной в виде возможности как абсолютного, так и относительного уничтожения общности в качестве самостоятельного субъекта социального взаимодействия, равноправного участника борьбы за место в жизненном пространстве.

Но здесь обнаруживается противоречие между реальностью социальной дифференциации, охватывающей и сферу отношений по поводу жертвенности, т. е. по поводу выбора жертв, и мифологическим характером национальной идеи, ее иррациональностью. Указанное противоречие разрешается двояко: во-первых, и это главное, национальную идею никто не смеет открыто отвергнуть, не рискуя быть отверженным самому. От нее можно уклониться, но не явно, не демонстративно. Иначе говоря, национальная идея должна быть абсолютной. Во-вторых, подчинение идее, действительная жертвенность должны поощряться. Образно говоря, “страна должна знать своих героев”, а сам героизм должен по достоинству вознаграждаться.

Национальная идея выражает объективные интересы общности и призвана обеспечивать ее единство. В качестве средства достижения и сохранения единства общности роль национальной идеи двояка: во-первых, она является элементом общественного сознания, изначально представляющим перед членами данной общности, как объективная данность, принадлежность

объективной реальности, такой же обязательный направляющий норматив, как мораль и право. В качестве составляющей общественного сознания национальная идея присутствует во всех его элементах — идеологии, общественной психологии, морали, праве, религии, искусстве, политике и даже науке, — она задает их реальное конкретно-историческое содержание применительно к условиям жизни данной общности. Во-вторых, национальная идея, будучи нормативом, является основанием для санкций по отношению ко всему тому, что извне или изнутри подрывает общность, включая и уклонение ее отдельных членов от выполнения своего общественного долга.

Таким образом, существование национальной идеи связано прежде всего с существованием определенной власти. Чем больше власть централизована, тем больше она нуждается в национальной идее, и тем более захватывающей, сильной по своему воздействию на сознание людей должна быть эта идея. Национальная идея централизованного общества необходимо превращается в государственную идеологию, задающую характер нормативности всей общественной жизни. Соответственно в либеральном обществе национальная идея обычно ограничивается сферой общественной психологии и имеет статус предрассудка.

Следует различать национальную идею как выражение объективного национального интереса, как средство достижения единства общности и как орудие поддержания власти. Только в органическом единстве всех этих аспектов национальная идея может быть реальной консолидирующей силой, действующей в направлении создания наиболее благоприятных условий устойчивого функционирования и развития общества. Эксплуатация национальной идеи исключительно как средства поддержания власти и независимо от конкретно-исторического состояния объективной социальной реальности низводит национальную идею до примитивных националистических деклараций.

В национальной идее России всегда присутствует в качестве отправного пункта чувство исторической несправедливости. С ее устранением, с преодолением постоянного исторического унижения и достижением заслуженного величия связываются генеральные цели российской устремленности в будущее. Выражением уверенности в собственной правоте и величии является российское великодушие, постоянная готовность помочь бывшему врагу и простить его.

Драматизм идейного дефицита в современной ситуации состоит в том, что чувство исторической несправедливости безадресно. Кто обидел и унижил Россию? В нынешнем гло-

бальном мире с его необозримым множеством переплетений взаимосвязи и взаимозависимости не на кого указать пальцем. Россия, как это уже не раз бывало, запуталась в собственных противоречиях. Индивидуалистический эгоизм, подогреваемый извне, оказался сильнее чувства общей опасности, внутренний разлад, тотальная склока и междоусобица перед лицом экономических затруднений в одночасье разрушили великую державу. Центр при полном наборе средств властного воздействия оказался в этой ситуации абсолютно беспомощным, потому что был лишен той самой национальной идеи, от имени которой на полном основании и в полном объеме мог осуществить спасительное насилие.

Идея нынешних реформ в России — это идея эффективности, а не справедливости, это не национальная, не консолидирующая общество идея. Россия на протяжении всей своей истории несет на себе крест реформ, — такова ее историческая судьба, обусловленная спецификой ее формулы. Современные реформы осуществляются под лозунгом раскрепощения человеческих сил и приведения общества в нормальное состояние естественных различий и свободной конкуренции. Их идея не имеет какого-либо национального смысла, из них никак не вытекает идея великой России. В этом плане реформа 1861 года имела более сильное национальное выражение, будучи связанной с поражением, нанесенным России Европой в Крымской войне.

Национальная идея России — это всегда антикризисная идея, программная идея спасения, выживания, возрождения. Ее главное содержание, стержневой тезис выражен в идее единства, целостности. Дело в том, что Россия расширялась вынужденно под постоянным выдавливающим воздействием с Запада, ее целостность искусственна, “рукотворна”, для ее поддержания необходим сильный центр, не просто координирующий, а именно властный. Казалось бы, индивиды могут переселяться, а регионы присоединяться к другим общностям, но они могут это реализовать только в качестве подчиненных элементов. Члены российской общности, будь то индивиды или регионы, объективно заинтересованы в ее единстве и целостности. Альтернативы единой России просто не существует. Сложность и противоречивость ситуации в том и состоит, что российская общность в целом объективно заинтересована в своем единстве, но она неоднородна по природным условиям и глубоко дифференцирована социально, и потому перед центром стоит сложная задача — найти оптимальное сочетание частной выгоды и общего ин-

тереса. Объединяющим началом, главным целевым ориентиром здесь необходимо является лидерство России в мире, только оно может компенсировать ее историческую странность и самобытность. Не в качестве лидера, просто в общем ряду стран мира, выстроенном по какому-либо формальному признаку, Россия в лучшем случае будет выглядеть загадочной, непонятной, а в худшем — просто смешной и жалкой.

Имперский вариант так называемого концентрированного общества плох с точки зрения абстрактно-гуманистических моделей развития, но он диктуется здоровым инстинктом самосохранения и выражает активное стремление к выживанию. Напротив, либеральный вариант открытого общества хорош с позиций абстрактно-всеобщей демократии, но губителен исходя из объективной социальной реальности. Всеобщая техносоциальная формула общественной жизни, обуславливающая постоянную сосредоточенность любой общности на проблемах выживания, задает в качестве критерия истинности выбираемых путей их реальную эффективность, а не мнимую добродетельность.

Таким образом, если каждая историческая общность характеризуется особым, присущим только ей национальным самосознанием, то далеко не все общности обременены тем напряжением духовных сил, которое можно возвести в ранг национальной идеи. Россия в этом смысле специфична, если не уникальна. Вся ее история связана с проблемами выбора и принятием судьбоносных альтернативных решений. Противостояние закупоривающему давлению с Запада, компенсирующее продвижение на Юг и Восток, постоянный поиск адекватных форм внутренней организации, непрерывная внутренняя перестройка — вот основные задачи, всегда стоявшие перед Россией и требующие, во-первых, сконцентрированного до предела единства направляющей воли и, во-вторых, наличия той самой национальной идеи, опираясь на которую направляющая воля могла бы стать реальной направляющей силой. Иначе говоря, главная функция национальной идеи в России состоит в обосновании безраздельной централизованной власти, которая во имя и от имени идеи навязывает народу свою волю, а народ, принимая идею, подчиняется этой воле. Таким образом, жизнь народа полностью оказывается в руках власти, и его историческая судьба ставится в зависимость от волевого потенциала власти.

Уже при беглом обзоре всей тысячелетней российской истории обнаруживается устойчивое содержание, преобладающие элементы на-

циональной идеи России: объективно обусловленная идея собирания Земель в одно целое и удержания этой целостности, а также идея своего пути развития. Их идеологическим, доводимым до мистицизма воплощением стала идея величия (великодержавия) России и ее мессианской роли, в соответствии с которой она собственным примером прокладывает для всего мира дорогу истинной жизни. Эта идея в разных формах всегда доминировала, ей и сейчас нет альтернативы. Вопрос в другом — есть ли для нее объективные основания?

В условиях либерализма общество демократично. Это означает наряду со свободой частной жизни вообще, т. е. отделенности государства от личности, еще и отсутствие иерархии элиты, которая вся представлена на одном уровне: нет наднациональной или субнациональной элиты, есть просто элита. В условиях централизма элита иерархична — в частности, региональная элита — это элита второго эшелона, назначаемая сверху, и т. д., до исполнительной элиты низшего звена. Так было при царе, так было в компартии. Сейчас в России в этом плане сложилась неопределенная ситуация, для России в целом опасная. Такая неопределенность сохранится до тех пор, пока не будет единой национальной идеи, которая, являясь средством навязывания единой воли, орудием политического централизма, позволит обуздать разлагающее своеволие и своекорыстие региональной элиты. Собственно политическая борьба, как борьба политических интересов, происходит именно на элитарном уровне, масса представляет собой слепую силу, востребуемую в необходимое время и толкаемую в нужном направлении.

Национальная идея есть орудие насилия над обществом в руках властного центра, она придает ему смысл, понимаемый обществом и обеспечиваемый его согласием с насилием, осуществляемым от ее имени. То есть идея “санкционирует” насилие по отношению к нарушителям освященного идеей порядка. Национальная идея “воспаряет” над обществом, и каждый его член равно оказывается в поле ее мобилизующего воздействия. Тем не менее сила национальной идеи приводится в движение и направляется господствующими элементами социальной системы, отождествляющими всеобщие национальные интересы со своими собственными интересами.

Таким образом, централизм в России необходим. Но не сам по себе, а опирающийся на всеми понятную и всеми принимаемую идею. Вообще для России самое тяжкое преступление всегда было в посягательстве на центр, на абсолютную власть, потому что это было посягатель-

ством на идею. Сейчас такой идеи нет, и центр не может выглядеть иначе, как в виде некоего чудовища, монстра, зла. Лишенный национальной идеи централизм неизбежно приобретает криминальный характер, что сопровождается и всеобщей криминализацией сознания.

Смена власти и смена курса в России почти всегда совмещались, будучи сугубо взаимозависимыми составляющими единого социального процесса. Для российской формулы это норма: с одной стороны, невозможность длительных циклов однотипного устойчивого развития требует частой смены курса; с другой стороны, инерционность авторитарной власти не позволяет это делать независимо от ее смены, поскольку изменение курса обусловлено изменением состава правящей системы. Наиболее оптимально такая синхронность обеспечивалась естественной цикличностью перемены монархической власти, корректируемой в случае необходимости различными формами дворцовых переворотов. Главная ценность такого механизма состояла в том, что смена курса обеспечивалась в основном изменениями в верхнем эшелоне власти и не вызывала глубинной социальной напряженности. Общество оставалось спокойным и управляемым. Система однопартийного управления в России (СССР) оказалась настолько инерционной, что полностью исключила возможность изменения курса даже при смене власти. Но в условиях социальной динамики XX века это не могло не кончиться катастрофой.

Тем не менее и в XXI веке не просматриваются реальные признаки перехода России в ее современном виде к другой формуле. А это значит, что остаются и обязательность достаточно частых перемен в общественной жизни, и необходимость авторитарной власти. Ясно, что нынешние демократические принципы организации власти при всей их внешней привлекательности не позволяют преодолеть тормозящего и разлагающего самоблокирования политической системы, постоянно грозящего привести к полному параличу власти и непредсказуемым социальным потрясениям.

В России все противостояние закона и справедливости, справедливости и эффективности, добра и зла во всех их проявлениях сводится к простой силовой борьбе за власть (форма господства). Побеждает не закон или беззаконие, справедливость или эффективность, добро или зло и т. д. В России побеждает сила, только она легитимна. Сила возносит человека на социальный верх, а траектория этого вознесения не имеет значения.

Нет смысла рассматривать демократию по схеме “нужна — не нужна”, объективно она

возможна или невозможна, исходя из действия формулы. Демократия существует только там и тогда, где и когда существуют отношения равенства, понимаемого как отношения свободных, не зависящих друг от друга людей, связанных отношением партнерства, единого интереса и солидарности в их общем социальном противостоянии другим людям, занимающим другие позиции в социальном пространстве. Речь, в частности, идет либо о господствующих слоях в рамках одной общности, либо об общностях в целом, господствующих в системе межобщностных отношений. Соответственно в подчиненных или замкнутых общностях (человечество в целом может рассматриваться как замкнутая общность) неизбежна глубокая социальная дифференциация, и демократия там невозможна и просто бессмысленна. Таким образом, в реформируемых или вновь образующихся общностях сначала должно быть равенство и лишь потом (на его основе, а не после) демократия. Если демократия идет впереди, то она, наоборот, создает и углубляет неравенство, после чего сама сокращается до рамок господствующих слоев.

Людям не выжить ни в одиночку, ни в состоянии войны всех против всех, они необходимо объединяются в общности разных уровней, и на каждом уровне присутствует своя идея. Национальная идея — это то, что делает всю историческую общность (страну, народ, этнос) своей для каждого входящего в нее человека. Национальная идея не примиряет людей, не устраняет, не сглаживает противоречия между ними (партиями, обществами, враждующими соседями и т. п.), она просто придавливает людей, подминает их таким образом, что все они вынуждены принять на себя этот груз.

Трезво оценивая наши (каждого из нас) отношения с Россией, следует признать, что Россия не нуждается в нашей любви хотя бы потому, что это мы нуждаемся в ней. Точнее говоря, мы нуждаемся друг в друге, ибо нам не дано иного, как только жить вместе, что и означает жить в России, а любить и уважать Россию означает любить и уважать самих себя.

Есть социальные учения, претендующие на роль социальной теории, и есть национальная идея. Теория относится к рациональному сознанию (а именно — научному), национальная идея принадлежит ценностному сознанию, она иррациональна, более того — это миф. Однако национальная идея опирается на некое рациональное обоснование, на некую теорию, принимаемую за истинную. Так, националистическая идея великой Германии опиралась (и опирается) на одну из расистских теорий, идея

русского великодержавия — на панславизм, сменившая ее коммунистическая идея — на научный социализм. При этом теория всегда подгонялась под миф и по сути сама была мифом. Однако социальная теория устанавливает только закон общественной жизни, но не дает оценки участникам социальной борьбы, не определяет их цели, не указывает средства. Все это делает национальная идея: она обосновывает право общности на существование, задает его цели и смысл.

Как миф национальная идея не может обойтись без религии, ибо рационально обосновать исключительное право общности на выживание невозможно, поскольку ни существование какой бы то ни было отдельной общности, ни существование человечества в целом не вытекает из законов объективной реальности и не является обязательным ни в какой из ее систем. Поэтому национальная идея необходимо апеллирует к религии, что в условиях современной России весьма неопределенно. Во-первых, это сложно сделать в атеистической в целом стране, когда религиозность проявляется как псевдорелигиозность (либо мода, либо натужно-вынужденная обрядность, либо мистицизм). Главная проблема здесь — как сакрализировать национальную идею? Во-вторых, как это сделать в многоконфессиональной стране? В царской России, как известно, господствующей религией было православие. Видимо, в данном случае проблема соединения государственности и религиозности заключает в себе объективное противоречие, разрешение которого в настоящее время не просматривается, если не принимать всерьез экзотических моделей парламентаризма на конфессиональной основе.

Коммунистическая идея для России (СССР) была вполне национальной, так как до определенного момента удовлетворяла всем необходимым требованиям: великодержавности и мессианской функции новатора-лидера, флагамена человеческой истории. Принадлежность человека самой великой и сильной стране мира (как тогда казалось) компенсировала многие проявления неустроенности его жизни. Рассуждение простое: да, живется трудно, но, во-первых, трудно всем, во-вторых, жизнь скоро станет лучше, но самое главное — живем правильно, а потому будущее за нами.

Но как только обрушилась великодержавность и упали прикрепленные к ней декорации мессианского мифа, исчез мираж справедливости, то коммунистической идеи застеснялись даже многие коммунисты. Равенство объявили химерой, а демократический централизм — тоталитаризмом. В бывших социалистических странах Европы коммунистическая идея не

прижилась изначально, потому что они не нуждались в державности и не хотели жертвовать реальным качеством жизни ради ее мнимой истинности. Напротив, в Китае коммунистическая идея прижилась и даже упрочилась, потому что, в отличие от России, китайская державность не так жестко связана с мессианством, а справедливость ассоциируется больше с иерархией, нежели равенством.

Национальная идея не может быть разработана ни на основе планового задания, ни в рамках распределения научных грантов или творческих премий. Она не может быть где-то отыскана и выставлена на предмет всеобщего опознания и признания. Национальную идею терпеливо ждут, и она приходит сначала неявно, в виде человека и лишь потом оборачивается собственно идеей, сливаясь с образом этого человека. Идея никогда не умирает, но меняет свои лица, воплощаясь в них в большей или меньшей степени и становясь действенной силой в соответствии с этой степенью.

Российская национальная идея в конечном счете — это мечта о великой России, составляющая главный вектор российской политики. При этом величие (великодержавность) не является и никогда не было ее самоцелью, но оно всегда остается неким долгосрочным ориентиром в решении текущих проблем, вечно запутанных и противоречивых. Модель великой России по сути никогда не переходила из разряда абстрактно-стратегических в разряд конкретных, точно просчитываемых целей, но всегда служила необходимым средством решения проблем реальной действительности.

Современное содержание геоисторической формулы России объективно предопределяют некоторые принципиальные черты ее развития в ближайшем будущем при условии сохранения целостности. Сюда можно отнести следующие положения:

Передел собственности в России — это никогда не прекращающийся процесс. Он не достигает логического завершения, т. е. не доходит до начала этапа устойчивой социальной эволюции, в силу объективно обусловленной регулярной смены социальных систем. Так, в России было много старинных фамилий, исторически продолжительных родословных, но неизвестны предметы долговременной (переходящей через многие поколения) собственности.

Проблема регионов — это проблема центра и периферии, она свойственна только глубоко дифференцированным общностям-аутсайдерам. В лидирующих общностях нет периферии, они сами по себе — центры. А подчиненные общности — сами по себе перифе-

рия. Конечно, и там и там есть внутренние различия. Но в передовых общностях они глубоко функциональны: деловой центр, зона рекреации и т. д. Тут нет социальной дифференциации, и вся система общественной жизни (коммуникации, сервис) едина. Напротив, в подчиненных общностях внутренняя дифференциация еще глубже, чем внешняя: есть правящий центр и производящая периферия или просто брошенное захолустье.

В лидирующих общностях нет левых и правых как социальных антагонистов. По существу там двухпартийная (двухблоковая — при множестве разнородных партий) система, применительно к которой понятие центра бессмысленно, — функции центра часто выполняет монархия. Две партии (два блока) — это территориальные, производственные, этнические и прочие конкуренты, сменяющие друг друга у власти в соответствии с объективной цикличностью, периодичностью экономического, социального, политического развития. Смысл демократии состоит в саморегулируемой сбалансированности общественных сил, а не в их уравновешенном, но напряженном и взрывоопасном равнодействии. Идея политического центра в России как межпартийного, независимого (надпартийного) — это идея *просто* власти, центральной власти как абсолютной власти, которая в России никогда и не была партийной. Межпартийный центр предполагает опору на большинство политически однородного населения, но для глубоко дифференцированной России это мираж. Центр в России не имеет политических флангов, такими флангами в ней были и остаются западники и славянофилы. Для России левые и правые тоже нетипичны, их появление связано с периодами кризисов, переломов, безвластия, безвременья в XX веке.

Таким образом, России XXI века также будут свойственны:

невозможность изолированного существования;

преобладающая зависимость типа внутреннего развития от характера взаимодействия с мировым окружением;

глубокая социальная дифференциация;

авторитарность политической власти;

неустойчивость развития в целом до вызревания двух факторов: 1) внутреннего (становление широкой социальной базы авторитарного государства) и 2) внешнего (возникновение потребности в сильной России в качестве союзника одного из мировых блоков). В данном аспекте судьба России совершенно непредсказуема.